

уютнее. В-третьих, открытка являлась подарком сама по себе. Как пишет О.В. Шабурова, «в советской школе практически не было подношений, материальный дух изгонялся. И только дешевая открытка за три копейки становится необходимой формой овеществления, опредмечивания отношений по линии "ученик – учитель"» [2, с. 120].

Библиографический список

1. Появление первых советских открыток [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mirpoz.ru/ru/publications/history/detail.php?BID=31&ID=1103>
2. Шабурова О.В. Школьная открытка как ритуал и дисциплинарная практика // Антропология советской школы: Культурные универсалии и провинциальные практики: сб. ст. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2010. С. 100 – 120.

УДК 908+34.03

Е.Ю. Литвинец
УГЛТУ, Екатеринбург

ТРАДИЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 г.: ПОПЫТКИ СОЗДАНИЯ НОВОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ

Традиция пренебрежительного отношения к праву в России уходит вглубь веков. Русский историк В. Ключевский писал: «Не я виноват, что в русской истории мало обращают внимание на право: меня принудила к тому русская жизнь, не признававшая никакого права. Свойственные европейским народам идеи права, свободы, справедливости в России всегда были роскошью ума, доступной немногим головам, как дорогой французский кафтан или парик был доступен немногим карманам» [1].

Речь идет о неостребованности права в обществе как свойстве культуры российского обывателя. Выше правовых ценностей в России всегда стояли другие – самодержавие, анархия, православие, марксизм. Интересна попытка преодоления такого изъяна в ходе Великих реформ середины XIX в., когда произошло столкновение правового нигилизма и новых элементов правового государства.

Генезис судебной реформы многие историки связывают с формированием нового типа чиновника, для которого право, закон не было пустым звуком. Это результат развития юридического образования в России. В 1835 г. в Петербурге было основано элитарное заведение английского типа – Императорское училище правоведения, которое готовило кадры для Сената и Министерства юстиции. К 1850-м гг. юристы заняли стратегические посты в правительстве, позволявшие им составлять проекты реформ,

и продвигать их через запутанные бюрократические лабиринты [2]. Ключевым словом для них была законность, основа правового государства. Эта идея и легла в основу Судебных уставов 1864 г., благодаря которым усилилась роль закона в управлении, произошло окончательное отделение суда от администрации. Судебная реформа была наиболее радикальной, новаторской и технически обеспеченной из всех Великих реформ. Этому способствовало то, что значительная часть образованного общества в 1840 – 1860-е гг. приняла либеральную доктрину: она хотела участвовать в управлении, чтобы защищать себя от злоупотреблений власти.

Однако в отношении остального населения (крестьяне, мещане, рабочие), составляющего подавляющее большинство граждан, реформа наткнулась на огромные трудности. Процесс выработки новой правовой культуры и распространение правосознания здесь происходили очень медленно, т.к. огромным препятствием на пути официального закона был обычай [3]. Значительную роль в этом сыграло и то, что дела крестьян оставались в юрисдикции созданных крестьянской реформой 1861 г. волостных судов, действовавших на основе обычного права.

С древнейших времен и вплоть до установления советской власти в стране представители всех классов населения, совершившие тяжкое уголовное преступление, судились в одном суде и по единому закону. Но что касается мелких уголовных и гражданских дел в деревне, то они были прерогативой сельских судов, разбиравших их по обычному праву. Обычное право – это неписанные правила и нормы, основанные на народных представлениях о справедливости. До конца XVII в. закон и обычное право различались не слишком существенно. Однако начиная с XVIII в., когда Россия стала на путь европеизации, закон начал все более расходиться с обычным правом: город превратился в зону действия закона, деревня – обычая. Внутридеревенские отношения регулировались почти исключительно обычным правом, кроме отношений крестьян с другими сословиями. В результате после реформы 1861 г., когда русские этнографы серьезно занялись изучением крестьянского быта, они обнаружили, что народная юстиция, существенно расходившаяся с законом, решала 80 % всех дел у 80 % всего населения империи. Обычное право использовалось всеми судами в торговых делах при лакунах в законе; в делах о наследовании, опеки, попечительстве у крестьян; по всем спорам среди крестьян, разрешавшимся волостными судами по гражданским делам, а до 1889 г. и по уголовным делам при лакунах в законе [4]. Обычное право в деревне в решающей степени обеспечивало общинный правопорядок, который ограничивал имущественные права крестьян: сделки с землей, передачу наследства, заключение договоров, выход из общины и др. В большинстве случаев крестьяне не могли выступать в качестве субъекта гражданского права, так как не могли действовать без разрешения общины. После 1861 г. пра-

вительство даже сузило сферу индивидуальных прав, с целью поддержания общинных отношений.

В обычном праве преступление понималось как грех (в религиозном смысле), нарушение правды и законов совести и ассоциировалось с несчастьем. Преступник рассматривался как несчастный человек, наказанный Богом за свои прежние грехи, и сам акт преступления считался уже началом кары и несчастья, обрушившегося на человека. Преступление также понималось как личная обида, как нанесение бесчестья, откуда вытекало убеждение, что судить за проступки против личности и имущества следует самому потерпевшему, и только за преступления, направленные против общественного порядка, судить и наказывать должен суд. Таким образом, крестьяне после судебной реформы 1864 г. понимали преступление не как нарушение юридической нормы, а, во-первых, как нарушение моральной нормы, во-вторых, как личную обиду, в-третьих, как несчастье и наказание. Этот взгляд на преступление, изжитый в законе еще в начале XVIII в., в обычном праве сохранился в XX в. Крестьяне очень хорошо понимали преступление против лица, например убийство, но преступление против государства – нет [5]. Все известные пословицы середины XIX в. отзывались о законе негативно, что отражало народное правосознание, согласно которому правда, отраженная в обычае, справедливее закона. Сословный волостной суд, утвержденный в 1861 г., отражая подобное правосознание, должен был судить «по совести», что подтверждалось «Временными правилами о волостном суде» (1889 г.) [6].

Анализ Временных правил о волостных судах показывает, что они вносили существенный элемент формальности в судебную процедуру. Для реформаторов формальность судебной процедуры являлась противовесом и профилактикой произвола. Их цели в отношении правового образования крестьян были сознательно ограничены: они намеревались лишь ближе познакомить крестьян с законом. В деревне сложилась судебная система, повседневно вводившая крестьян в прямой контакт с законом. Однако крестьяне признавали авторитет волостных судов лишь в случаях конфликтов по поводу мелких денежных сумм, ущерба собственности и других случаев, касавшихся главным образом экономических отношений. Но по поводу серьезных преступлений против общинных норм и морали, угрожавших самому существованию общины, применялось неформальное правосудие – суд старшин, деревенский сход, которые зачастую принимали решение о жестоком наказании. В пореформенный период такая форма народного правосудия, как самосуд, вплоть до убийства на месте преступления, была широко распространена почти во всех губерниях Российской империи. Например, убивались поджигатели и конокрады, а иногда воры, застигнутые на месте преступления. Крестьяне часто проявляли склонность к самосуду и предпочитали его официальному суду, так как не были уверены, что преступник получит должное возмездие [7]. А. Ефименко сформулировал

различие при назначении наказания по обычному праву и закону. По закону – каждый должен получить то, что ему следует по закону, по обычаю – «чтобы никому не было обидно». В законе все держится на логике, в обычном праве – на чувстве [8]. Однако самосуд являлся не только отражением народных верований и крестьянской культуры, но и насильственным утверждением обычая и власти общины. Самосуд представляет собой важный механизм социальной регуляции, направленный против таких социальных действий, которые несут в себе угрозу разрушения общины. Крестьянские расправы, как правило, санкционировались сельским сходом, и это давало двоякий результат: во-первых, повышался авторитет схода, а во-вторых, придавался законный статус беззаконной акции. Несмотря на то, что истинные масштабы самосуда чрезвычайно трудно измерить, он существовал и в советский период, что говорит о «прочности» крестьянской культуры в России и ее жизнеспособности в изменяющемся мире.

Таким образом, анализируя крестьянское право, можно сделать вывод об архаичности сельской жизни. Но жизнь шла вперед, и закон постепенно проникал в крестьянскую среду. Юридические нормы и обычай сосуществовали в российской деревне, и в меньшей степени – в городе на протяжении всего пореформенного периода.

Библиографический список

1. Ключевский В.О. Соч. в 9-ти тт. Т. 9. М.: Мысль, 1990. С. 424.
2. Тарановски Т. Судебная реформа и развитие политической культуры царской России / под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла // Великие реформы в России, 1855 – 1874: Сборник. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1992. С. 306.
3. Государственный архив Свердловской области. Ф. 11. Оп. 1. ДД. 39, 45.
4. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-нач. XX в.). Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 67.
5. Тенишев В.В. Правосудие в русском крестьянском быту. М.: Либроком, 2011.
6. Виленский Б.В. Крестьянские волостные суды в пореформенной России // Научная конференция по итогам научно-исследовательской работы за 1958 год. Саратов: Изд-во Саратов. юрид. ин-та, 1959. С. 129 – 133.
7. Большакова О.В. Судебная реформа 1864 г. и формирование правовой культуры в дореволюционной России (Обзор англоязычной литературы) // Реферативный журн.: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История. 2000. Вып. 1. С. 29.
8. Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. М.: Либроком, 2011. С. 173.